

УДК 821.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-88-96

EDN XRFKDF

Отражение полемики вокруг оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» в горацианских переложениях В. В. Капниста

Александр Юрьевич Антонов

магистрант кафедры истории русской литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. alexander.a11@yandex.ru

SPIN-код: 1457-7512

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0706-0180>

Статья поступила в редакцию 10.06.2023

Одобрена после рецензирования 11.07.2023

Принята к публикации 10.08.2023

Информация для цитирования

Антонов А. Ю. Отражение полемики вокруг оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» в горацианских переложениях В. В. Капниста // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 88–96. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-88-96

Аннотация. В статье рассматривается специфика отражения литературной полемики вокруг оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» в горацианских переложениях В. В. Капниста. В рамках данной полемики Капнистом были затронуты важные аспекты его поэтической философии, которую в значительной степени разделял и Державин, в оде «Изображение Фелицы» отступивший от ряда признанных им постулатов об искренности, допустимых границах льстивости в поэзии и т. д., чем эту полемику и спровоцировал. В статье показывается, что отголоски данной полемики обнаруживаются и в более поздних сочинениях Капниста – в трех его горацианских переложениях, посвященных Державину, а именно: в одах «Ломоносов» («Гений-Пиит») (1790/91), «К Музе» («Певцу Фелицы») (1797) и «Против златолюбия» (1811–1814). В них Капнист вновь обращается к тому же кругу тем, что и в «Ответе Рафаэла певцу Фелицы», продолжая как бы угасшую полемику. Анализируется специфика эволюции взглядов Капниста на существо данной полемики: показывается, сколь различны установки, которыми он руководствуется при обращении к ней на разных этапах своего творчества. Так, ода «Ломоносов», использующая горацианский претекст лишь в качестве источника, от которого заимствует свою композиционную схему, является как бы «смягченным» вариантом «Ответа Рафаэла певцу Фелицы», однако лишенным некоторого «сатирического» подтекста. Ода «Ломоносов» представляет для Державина своего рода пример того, как можно писать оды искренне и бескорыстно. И наконец, в оде «Против златолюбия» Капнист вновь повторяет модель оды «Ответ Рафаэла певцу Фелицы»: начиная исправлять исключительно поэтические «недостатки» державинских строк, он вновь обращается к теме чрезмерной льстивости державинской оды.

Ключевые слова: В. В. Капнист; поэзия XVIII века; поэзия XIX века; полемика вокруг оды Державина «Изображение Фелицы»; ода.

Ода «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» 1789 г. – хронологически самое раннее произведение В. В. Капниста, так или иначе затрагивающее тему Г. Р. Державина и его поэтического насле-

дия. Это произведение не имеет однозначной трактовки: одни исследователи считают его шуточным [Иванов 1959: 428; Демин 2009: 26], другие же – едко-сатирическим [Лаппо-Данилевский

2011: 205] (вслед за Державиным, которого оно сильно обидело [там же]). Но, как кажется, Капнист не ставил себе задачи оскорбить, зло высмеять Державина (его талант и авторитет как поэта первой величины был абсолютно незыблем для Капниста, что особенно наглядно видно на материале его поздних произведений).

Видимо, целью написания данного «ответа» была попытка продолжить дружеское «сотворчество», коллективное «вычитывание» стихотворений, обычное в так называемом «кружке Н. А. Львова» в 1770–1780-х гг. [Николаев 2004: 18]. Шутливо сравнивая свой труд с работой трубочиста (Капнист озаглавил свою оду «Репорт лейб-автору от Екатеринославских муз трубочиста Василья Капниста»¹), Капнист спровоцировал насмешки со стороны Державина и Львова: дословная публикация Лаппо-Данилевского текста [Лаппо-Данилевский 2011: 214–220], отправленного Капнистом Державину, с пометами Львова показывает, что насмешки друзей во многом относились на счет невыверенной, пестрящей ошибками и пропусками писарской копии оригинала. Более того, Львов был даже склонен по достоинству оценить критические замечания Капниста относительно державинской оды.

Действительно, велик соблазн увидеть в произошедшей полемике столкновение каких-либо значимых, фундаментальных различий поэтик Капниста и Державина. Как правило, исследователи либо трактовали поэтику Капниста как тяготеющую к «классичности», либо стремились увидеть в его поэзии чуть ли не революционную (в плане политическом) противопоставленность высшему обществу и двору (и Державину как представителю этой среды).

Предположение о революционности сознания Капниста успешно развенчает К. Ю. Лаппо-Данилевский [Лаппо-Данилевский 1989: 49–56]: событий Французской революции Капнист не принял, а тот факт, что в его доме гостили будущие декабристы (соседи и друзья его детей), еще не означает, что он разделял их взгляды (как и то, что они ему их подробно высказывали). О его отношении ко двору и крепостному состоянию можно с уверенностью сказать лишь следующее: несмотря на его неприятие крепостного права, несмотря на его гуманное отношение к крестьянам, видимо, не в «народе», а в «просвещенной монархии» он видел решение всех социальных проблем: недаром он посвящает Екатерине II оды «На рабство» и «На истребление в России звания раба»; не зря и «Ябеду» он посвящает Павлу I. П. Н. Берков видит в интересе, стремлении Капниста к деревенской, уединенной жизни, в этом как бы «жизнетворчестве» вслед за лирическим героем Горация некий «побег» Капниста

от блеска двора [Берков 1959: 257–268]. Безусловно, что-то такое у Капниста есть. Но, скорее, этот «побег» продиктован отнюдь не «классовыми», не идеологическими причинами, а чем-то личным. В этом контексте целесообразно вспомнить его литературный дебют – неудачу с обнародованием «Сатиры первой и последней»: помимо критики, она была не принята и салонным обществом, на которое Капнист собирался произвести впечатление [Бабкин 1960: 17–18]. После этого Капнист уезжает в Обуховку [там же]. При Павле он вновь возвращается в Петербург, делает неплохую карьеру (становится директором всех императорских театров Петербурга [там же: 43]) и лишь после убийства императора, удрученный этим событием [Демин 2017: 500], принимает решение выйти в отставку и поселиться в Обуховке уже окончательно. Иными словами, по-видимому, если у Капниста и было резко негативное отношение к высшему обществу, то не потому, что он был противником аристократии, а потому, что ему были несимпатичны конкретные проявления этого «высшего света» при дворе Екатерины II.

Концепция Беркова строится во многом на противопоставлении эстетики поэзии Капниста и Державина в рамках их отношения к императорскому двору и противостоящей ему «вольной» деревенской жизни: Державин здесь играет роль поборника высшего света и в этом оказывается несхож с Капнистом. Данную концепцию убедительно опровергают А. Ю. Веселова и В. А. Доманский, в работах которых показывается общность традиции так называемого «усадебного текста» поэтов Львовско-Державинского литературного кружка: не только Капнистом, но и Державиным созданы «усадебные» оды, пафос которых направлен против столичного общества [Доманский 2015: 79–84]. А. Ю. Веселова отмечает, что содержание такой «усадебной лирики» связано скорее не с политическим, а с идейно-философским наполнением. В «усадебной лирике» поэты державинского круга находят новый способ выражения воспринятых ими идей Просвещения – идей личности и свободы; и светское общество в этом контексте представляется источником излишней и ненужной суеты, мешающей счастливой и «полезной» жизни. При этом усадебная жизнь провозглашается способной позволить человеку спокойно и счастливо трудиться на благо общества – например, при помощи поэтического творчества [Веселова 2006: 206–218]. Единственное, в чем тут, по мысли Веселовой, Капнист противопоставлен Державину, – то, что усадебная жизнь Державина предполагает роскошь; Капнист же постулирует горацианскую умеренность [там же: 213].

Вряд ли раннее творчество Капниста было и «классицистичнее» державинского. К примеру, Д. Д. Благой видит в «Сатире первой и последней» Капниста то произведение, которое повлияло на Державина как на автора «Фелицы» (что, конечно, спорно; скорее, здесь должно видеть отражение одного и того же, общего для обоих авторов процесса – разочарования в рамках господствующей нормативной поэтики, а также следы обсуждения этих общих идей в рамках локального литературного сообщества): в ней Капнист сочетает похвалы императрице с обличительными речами на пороки (а в первой редакции – на лица), тем самым становясь как бы предтечей приёма «смещения стилей» – важного новшества державинской оды «Фелица» [Благой 1959: 7].

Существование различий в поэтиках Капниста и Державина отрицать не приходится. Другое дело, что важно уяснить, в чем же принципиальная суть данных различий². На наш взгляд, нет необходимости искать в поэтических методах этих поэтов какой-то фундаментальной противопоставленности. То, что их слог и поэтическая манера довольно сильно разнятся, – это, скорее, обусловлено различием их интересов, склонностей и разнонаправленностью их талантов: как правило, поэзия Державина больше ориентирована на написание длинных, патетических произведений на значимые (гражданские, религиозные) темы; стихотворения же Капниста (как правило, более короткие) характеризуются преобладанием эмоционально-личного начала. И пусть большая (и лучшая) часть поэтического наследия Капниста будет написана значительно позже, в начале XIX в., уже в 1789 г. в «Ответе Рафаэла певцу Фелицы» он формулирует некоторые важные принципы, которым будет верен и в дальнейшем.

Прежде всего, Капнист критикует Державина за чрезмерную отвлеченность его образов: он порицает нарочитую гиперболизацию образа Фелицы. И тут речь не может идти о том, что Капнист якобы не был способен понять, что это художественный прием: Капнист ценил различные поэтические новшества, эксперименты. Так, вскоре ему по душе придется державинский аллегорический образ водопада, в его творчестве отразится и метафорический пласт образности «водной стихии»; будет Капнист интересоваться и творчеством русских преромантиков и сентименталистов. Не был он и ярким поборником «классицизма»: помимо «смещения стилей» в его «Сатире», творчество Капниста в целом будет тяготеть к той жанровой перестройке, которую обычно связывают с именем Карамзина и его последователей. То, что Капнист высмеивает «нереалистичность» державинской оды, – это,

видимо, результат его твёрдого убеждения в том, что поэзия должна быть «правдивой». Тема тождества «правдивости» и «реалистичности» применительно к поэзии имплицитно пройдёт через всё творчество Капниста, посвящённое в той или иной степени теме поэта и поэзии. Вероятно, идеалом «честного» поэта для Капниста был Гораций, который представлялся ему полностью тождественным лирическому герою его стихотворений.

Вслед за Горацием Капнист был сторонником формулы «ut pictura poesis» [Лаппо-Данилевский 2011: 205]. Он последовательно отстаивает эту формулу как основу своей поэтической философии. Равноценность поэзии и живописи для Капниста – это не просто следование принципу умеренности, «золотой середины» (вслед за Горацием), это утверждение самоценности поэзии как важного, значимого, общепольного искусства. Если обратиться к более поздним текстам Капниста, то среди них можно найти немало таких, где он изображает общественно значимую (гражданскую и религиозную) поэзию как наиболее ценный род деятельности. Наивысшее позиционирование роли поэзии Капнист демонстрирует в стихотворении «Славолюбие» 1822 г. Он пишет:

Чернило лучше на бумагу,
Чем кровь на поле бранном, лить
[Капнист 1973: 300].

Но не только общественно значимой поэзии Капнист отводит столь важное место. Он ценит и сам язык, силу языкового выражения. В 1810-е гг. Капнист пишет эпитафию «Надгробие язычнику, от язвы, на языке приключившейся, умершему». Не лишенный остроумия, данный текст, однако, затрагивает и серьёзную, очень важную для Капниста тему о могуществе слова. Вот этот текст:

Язычник здесь лежит. Языком сотворил
Он множество чудес: языком он чернил,
Языком правду в ложь, а ложь он в правду плавил,
Языком грызть умел, и жалить, и рубить,
Языком, наконец, и сам себя управил.
Прохожий! берегись, чтоб как не наступить
[там же: 270].

«Ответ Рафаэла певцу Фелицы» заканчивался следующими строками:

Когда ж ты в способах уверен
Те дива живо написать.
То кисть и краски пред тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что мог так лепо рассказать³.

Хочется выделить первые две из приведенных здесь строк: Капнист акцентирует внимание на «способах»; видно, что сам язык, само поэтическое слово воспринимается им равным кистям и

краскам – поэт, подобно художнику, сам создает из этого материала предмет искусства. Иными словами, Капнист постулирует примат содержания над формой, и державинскую оду он критикует как раз с этой позиции: увлекшись формой как самоцелью, поэт, по мнению Капниста, оставил без должного внимания содержание.

Тем не менее столь безобидно-шутливая ода вызвала резкое негодование у Державина. Нельзя с полной уверенностью сказать, чем же именно был так задет «певец Фелицы». Думается, что наиболее верное предположение высказал А. О. Демин, писавший, что Державин был столь сильно разгневан по причине своего трудного материального положения: бывший тамбовский губернатор, он получил отставку и попал под суд, что и послужило причиной написания оды «Изображение Фелицы» [Демин 2009: 26]. Согласно данной гипотезе, Державин прекрасно понимал отличность «Изображения Фелицы» от предыдущих его од, посвященных императрице, а вот Капнист, по всей видимости, будучи оторван от столичной жизни, воспринял оду Державина как произведение, полное искреннего восхищения и верноподданнической преданности. Иными словами, Капнист пытался судить заведомо «заказное», написанное из меркантильного интереса произведение так, как будто бы оно являлось образцом изящной словесности, как будто бы оно претендовало встать в один ряд с другими, новаторскими, произведениями Державина. В глазах Капниста же эта ода выглядела в лучшем случае как автоэпигонство, как опыт не стихотворчества, а графомании.

Однако полемика вокруг данной оды отразилась и в других произведениях Капниста, причем, что интересно, в его гораціанских переложениях. Предположительно в 1790 или 1791 г. создается одна из наиболее известных современникам гораціанских од Капниста – ода «Ломоносов», или «Гений-Пиит». Капнист называл её подражанием, но фактически от Горация в ней осталось не так уж и много. Хотя, как отмечают исследователи, уже здесь у Капниста проявилось стремление к «точному переводу»: он лучше, чем кто-либо из современников, почувствовал поэтику оригинала и постарался приблизиться к Горацию путём сохранения структурной основы произведения [Демин 2009: 23].

Однако само наполнение оды отлично от произведения Горация. Вместо Пиндара тут – Ломоносов (перифразы из четырех произведений которого приводит здесь Капнист), а вместо лирического адресата (Иулла Антония) – Державин. Сама ода в идейном отношении представляет собой продолжение полемики вокруг оды «Ответ Рафаэла певцу Фелицы»; её как бы «смягчен-

ный» вариант. Капнист побуждает Державина к восхвалению реальных заслуг императрицы, сам, однако, эти заслуги перечисляя, на них внимания не акцентирует, чтобы тем самым «не дерзать вторить русскому Пиндару».

Как и Гораций, Капнист воспекает (русского) Пиндара (то есть у Капниста – Ломоносова), перечисляя его поэтические заслуги, причем воспекает он его, как бы обращаясь к другому поэту, поэту-современнику, и потому не столь великому – к Державину. Вернее, тут речь идет даже не о степени величия поэтического дара, а о разности этого дара: поэт-друг (у Горация – Иулл (Юлий), у Капниста – Державин) побуждается к выбору собственного, оригинального пиитического пути; предостерегается от раболепного подражания Пиндару (Ломоносову) – поэту минувших лет. Затем следует и реплика о себе самом – тоже как о поэте, причем с весьма самоуничижительным оттенком данного высказывания.

И вот то, что сказано лирическим героем (тождественным Капнисту) о самом себе, требует отдельного, чуть более подробного рассмотрения. У Горация мы читаем: «Тогда мой голос, если что достойное слышания сказать могу, соединится с твоим, и я воспою: о прекрасный, о благословенный день, счастливый восприятием Кесаря; во время шествия твоего не один раз: ура! целым городом: ура! – воскликнем и фимиам принесем богам всемилосердным». Другими словами, герой Горация как бы равняет себя с Юлием, раз уж допускает возможность соединения их голосов (логично, что они могут соединиться, только если они друг другу под стать, иначе это не будет гармоничным соединением). Капнист же этот фрагмент передает вовсе иначе:

Но я, как пчелка, над землею
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею:
Высокий страшен мне полет
[Капнист 2013: 105].

Голос лирического «я» уподобляется не голосу Юлия (у Капниста было бы – Державина), а жужжанию пчелы. В данном контексте аллюзия на образ пчелы представляет собой топос, ассоциирующийся прежде всего с трудолюбием и пользой; возможно, здесь намекается на противопоставление поэзии, вдохновленной свыше (поэзии Державина), как бы «вымученной», более механической, отождествляемой с лирикой самого Капниста. Однако в любом случае здесь выражена идея несоразмерности дарования автора «таланту Державина и гению Ломоносова».

Как отмечает Б. И. Коплан, в эти годы Капнист создает своего, «русского Горация» [Коплан 1941: XIII]. И этот тезис справедлив примени-

тельно как к переводным, так и (возможно, даже в большей степени) оригинальным произведениям Капниста.

В 1797 г. Капнист пишет оду «К Музе (певцу Фелицы)», представляющую собой вольное подражание Кн. I, оде XXVI Горация. Она была послана Державину в рамках дружеской переписки в письме от 13 августа 1797 г. При переложении этой оды Капнист следует за широко распространенной тогда традицией «улучшающего перевода», «адаптируя» Горация под русские реалии. Но тем не менее ода «К Музе» – это уже именно переложение Горация, в то время как ода «Гений-Пиит» представляла собой всё же оригинальную оду, лишь отсылающую на мотивном уровне к гораціанскому претексту.

В рамках же данной адаптации, например, античные политические реалии заменяются событиями, актуальными для конца XVIII в.:

Пусть галл Европой потрясает,
Британец всех на море бьет,
От рая Пий ключи теряет, –
Да мне до них и нужды нет
[Капнист 2013: 106].

Здесь отражены такие значимые события, как победы наполеоновской Франции на суше, превосходство к концу XVIII в. английского флота над всеми другими флотами Европы, поражение папского войска в ходе Итальянских войн, упразднение Наполеоном светской власти Папы Пия VI. Но для нас в данной оде интересно даже не это; более значим следующий фрагмент:

Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым, – жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу [там же: 107].

Никакого эквивалента этим строкам нет в претексте Горация. Безусловно, выраженное тут умонастроение в целом актуально для общего корпуса произведений Горация, но, кажется, здесь стоит усмотреть как бы отголосок «жизнелюбия» Капниста по лекалам образа (мифа) Горация: все относительно поздние произведения Капниста (начиная с середины 1790-х гг.) имеют словно общего лирического героя, тождественного биографическому автору, – дворянина-поэта, удаленного от великосветского общества и ищущего идиллию на лоне природы, в своем поместье. Это, по-видимому, является проекцией концепта «умеренности» бытия (лейтмотивом проходящего через всё творчество Горация) на лирику Капниста.

Ода эта была посвящена Державину, имя которого в самом тексте фигурирует под перифразом «Певец Фелицы», заменяющим имя Ламия. В примечаниях к «Опыту перевода и подражания

Горациевых од», в который должна была войти и эта ода, сам автор комментирует это место так: «Элий Ламий – хороший пиит. Цицерон во многих местах похваляет его». Другими словами, Капнист тем самым восхваляет Державина, что не могло не польстить ему.

Стоит отметить, что образ Державина в этой оде отнюдь не является центральным. Более того, можно сказать, что Державин упоминается тут как бы ненароком, между делом. И в этом явственно прослеживается изменение творческой установки Капниста. Шесть лет назад, при написании оды «Ломоносов» («Гений-Пиит»), Капнист свободно пользуется претекстом Горация как «донором» для композиционной схемы своего произведения. Не очень заботясь о точности следования оригиналу, Капнист создаёт в достаточной мере вольное подражание, по сути, совершенно новый текст, лишь отсылающий к Горацию, но почти не дающий читателю никакого представления о нём. Центральный герой, адресат его оды – именно Державин, хотя почти весь текст посвящен воспеванию Ломоносова. Сейчас же Капнист не взывает к Державину как к поэту. Обращение к нему – скорее, просто дружеская учтивость, стремление польстить коллеге по «парнасскому цеху», а заодно и вызвать у него дополнительное внимание к оде. Переложение Кн. I, оды XXVI – это уже именно переложение оды, а не подражание. Капнист демонстрирует стремление именно перевести латинскую оду на современный ему русский литературный язык.

Хотя нельзя отрицать и, по-видимому, имевшееся у Капниста стремление всё же продолжить данным текстом былую полемику: неслучайно он воспекает почившего Ломоносова, а не, скажем, самого, ещё живого, Державина. В этом заметно следование прежним идеалам: он воспекает того, чьи выдающиеся заслуги чтит, и воспевание это в высшей степени бескорыстно, ведь Ломоносов мертв, и потому невозможно ожидать от него какой бы то ни было протекции.

В этом контексте интересно и то, что Капнист (как об этом будет более подробно сказано дальше) нападает на державинскую оду «К Скопихину», но совершенно игнорирует в этом плане, к примеру, оду «На возвращение Зубова из Персии», где мадригальная часть куда как более ярко выражена. Происходит это, видимо, вследствие того, что пишет ее Державин уже после ослабления Валериана Зубова, в период его опалы [Грот 1997: 505], а значит, она уже не может служить каким-либо меркантильным интересам поэта.

Об отношении поэтов державинского круга (и Капниста, в частности) к различным формам «льстивой» поэзии достаточно подробно пишет

Иоахим Клейн: он отмечает сложную иерархическую градацию степеней лестиности этой придворной поэзии в их восприятии [Клейн 2021: 132–133]; подробно анализирует и рефлексию «искренности» такой мадригальной поэзии самим Державиным. В частности, о том, что «заказную» поэзию оба автора считают недопустимой, показательно говорит приводимый Клейном пример с критикой «продажного» Рубана в «Сатире» Капниста. Данный его тезис Державин вполне поддерживает [там же: 109–127].

На этом основании и можно вполне основательно утверждать, что Капнист ни в коем случае не хотел оскорбить Державина своей полемикой (даже на этапе написания им «Ответа Рафаэла певцу Фелицы»): Капнист упрекает Державина в некоторой доли неискренности именно как человека, разделявшего его убеждения по данному вопросу; это не чтение морали, не нравоучение, а беседа с равным, разговор с единомышленником.

Но вернемся к оде «К Скопихину», державинскому переложению кн. II оды II Горация 1803 г. Капнист откликнется на нее своим переводом 1811–1814 гг. под заглавием «Против златолюбия». И хотя этот перевод тоже достаточно вольный (по крайней мере, если учитывать актуальную на тот момент для самого Капниста переводческую методику), он всё же значительно точнее державинского.

Переложение Державина, написанное на случай, лишь отчасти следует за горацианским претекстом: там, где у Горация – панегирик, у Державина – обличение; где восхваление ратных подвигов прошлого – щедроты меценатов настоящего. Текст Державина далеко отстоит от горациева оригинала и по структуре: пространный период о Прокуле заменен на краткое упоминание о Минине, в то время как восхваление меценатов Шереметева, Владимирова и Демидова в общей сложности занимает 45 стихов (против 3 стихов о Минине!). Капнист, казалось бы, следует за Державиным, вместо Прокулея воспевая Минина, но в то же время открыто с ним полемизирует, значительно увеличивая объем данной микротемы. Строки его пронизаны героическим пафосом, в них слышится гордость и благоговение, чего недостает Державину, у которого Минин упомянут как бы между делом. В подстрочнике Капниста читаем: «известный отеческою к братьям любовью», – в переложении: «И жизнь и злато в дар несли». Готовность отдать жизнь соотносится с «любовью к братьям», то есть к соотечественникам, а вот «злато» – полемика с Державиным: как можно забывать о меценатстве Минина, спасшем Россию; как можно заставить померкнуть подвиг вечный на фоне частного, сегодняшнего?

Капнист не просто так обращается к Державину: его стремление более точно передать горацианский оригинал сливается со стремлением продолжить былую полемику. Именно поэтому Капнист отходит от принятой им в то время установки на переводческую, а не подражательную деятельность: обращение к Державину (а потому, вслед за ним, – к Минину) позволяет ему противопоставить объективно более значимые события прошлого (Второе Ополчение) куда более иллюзорному меценатскому подвигу настоящего. В этом проявляется и неприятие Капнистом намеренно усиленного объемом отведенного текста державинского возвеличивания меценатства (на фоне которого получается, что меркнет спасение отечества), и предпочтение исторически значимого, вечного – сиюминутному.

Стоит, однако, заметить, что Капнист не упрекает Державина (как человека) в забвении подвигов прошлого: Капнист не мог не знать державинского «героического представления» «Пожарский, или Освобождение Москвы» 1806 г. Капнист критикует Державина-поэта, создателя конкретной оды. И именно в этом прослеживается «преemptивность» по отношению к «Ответу Рафаэла певцу Фелицы»: Капнист последовательно выступает против «заказных од», ведь обе оды – и «Изображение Фелицы» (1789), и «К Скопихину» (1803) – помимо творческой задачи имели и цели меркантильно-политические. Мы не станем говорить, будто бы Державин писал их только ради некоторого улучшения своего положения в высшем свете, но и отрицать то, что автор хотел польстить адресатам обеих од, было бы странно.

И опять, как и немногим более, чем за 20 лет до этого, Капнист как бы вежливо, дружески-шутливо «намекает» Державину на его «неправоту». Та часть критического содержания, которая подчеркнута эксплицитно выражена в оде «Против златолюбия», относится прежде всего к вопросам формы (как и в «Ответе Рафаэла певцу Фелицы», но уже без сатирического тона). Капнист своим переложением изображает что-то вроде «примера» для Державина; вернее, даже не примера, а как бы «переработанного» варианта державинской оды. Видимо, этим и продиктован выбор Капниста переложить эту оду как «подражание», а не как «перевод»⁴.

При этом важно отметить: по всей видимости, Капнист не мог (или не хотел) понять, что Державин намеренно не желал терять свою идентичность, становиться «русским Горацием» подобно ему самому. Державин не мыслил себя слабым подражателем: он прекрасно понимал, что способен на точный перевод; вот только – зачем ему это? Он идентифицировал себя в ка-

честве самобытного поэта, а не переводчика [Клейн 2021: 103].

Итак, в ходе полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» 1789 г. Капнистом были затронуты важные аспекты его поэтической философии, которую в значительной степени разделял и Державин, в оде «Изображение Фелицы» отступивший от ряда признанных им постулатов об искренности, допустимых границах лести в поэзии и т. д. Капнист критикует Державина прежде всего за следование корыстным побуждениям при создании этой оды, а также за то, что тот позволяет себе чересчур неумеренные, гиперболические, отвлеченные образы. Но полемика эта, кончившаяся скорым примирением друзей-поэтов, не ограничилась со стороны Капниста написанием лишь «Ответа Рафаэла певцу Фелицы»; этим данная полемика только начинается. В трех переложениях од Горация, посвященных впоследствии Державину: в одах «Ломоносов» («Гений-Пиит») (1790/91), «К Музе» («Певцу Фелицы») (1797) и «Против златолюбия» (1811–1814) – Капнист вновь обращается к тому же кругу тем, продолжая как бы угасшую полемику. Ода «Ломоносов», берущая претекст Горация лишь в качестве источника, от которого заимствует свою композиционную схему, является как бы «смягченным» вариантом «Ответа Рафаэла певцу Фелицы»: в ней Капнист, уже без сатирического подтекста, вновь провозглашает принципы умеренности и «реалистичности» поэтических образов; в оде «Ломоносов» Капнист как бы дает Державину своеобразный пример бескорыстного воспеания заслуг уже почившего великого деятеля, взывает своего адресата творить искренне, подобно Ломоносову. В оде же «Против златолюбия» Капнист повторяет модель той оды, с которой и начал данную полемику: начиная исправлять исключительно поэтические «некорректности» Державина (и правда добываясь более близкого перевода), он опять же плавно переходит к теме «меркантильности» державинского замысла, критикуя его за непомерное возвеличивание современных меценатов на фоне исторических героев прошлого.

Примечания

¹ Видимо, название это обыгрывает хорошо известную Львову и Державину раннюю французскую эпиграмму Капниста, сохранившуюся лишь в стихотворном переложении Державина (см. подробнее: [Коплан 1941: V]):

Писанья ты свои прилежно вычищай:
Ведь из чистилища приходят уже в рай.

Суть данной словесной игры, по всей видимости, заключается не только в использовании изящного каламбура как такового, но и в нарочи-

той актуализации прецедентного для Державина и Львова текста, отсылающего ко второй половине 1770-х гг. – ко времени активного функционирования львовского кружка.

² В данном контексте интересно было бы попытаться проследить, понять различия их мотивации занятия литературным трудом, однако сделать этого в полной мере нельзя из-за невозможности отделить реальное авторское самознание от топики [Николаев 2017: 19].

³ Здесь приведен текст в первой редакции, каким его впервые увидели Львов и Державин [Лаппо-Данилевский 2011: 219].

⁴ В соответствии с авторским определением.

Список литературы

Бабкин Д. С. В. В. Капнист. Критико-биографический очерк // Капнист В. В. Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. С. 12–65.

Берков П. Н. В. В. Капнист как явление русской культуры XVIII века // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Сб. 4. С. 257–268.

Благой Д. Д. Василий Капнист // Капнист В. В. Сочинения. М.: ГИХЛ, 1959. С. 3–35.

Веселова А. Ю. Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. СПб.: Наука, 2006. Сб. 24. С. 206–218.

Грот Я. К. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. (Серия «Гений в искусстве»). 688 с.

Демин А. О. Капнист Василий Васильевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 2. С. 500–503.

Демин А. О. О датировке трех горацианских од В. В. Капниста // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. СПб.: «ВИРД», 2009. Вып. 5. С. 20–28.

Доманский В. А. Усадебный текст Г. Р. Державина и поэтов его круга // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 79–84.

Иванов Ю. Д. Примечания // Капнист В. В. Сочинения. М.: ГИХЛ, 1959. С. 413–448.

Капнист В. В. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1973. 623 с.

Капнист В. В. Опыт перевода и подражания Горациевых од. СПб.: Наука, 2013. 436 с.

Клейн И. При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Изд. дом ЯСК, 2021. 464 с.

Коплан Б. И. В. В. Капнист // Капнист В. В. Избранные сочинения. Л.: Сов. писатель, 1941. С. V–XV.

Лаппо-Данилевский К. Ю. К вопросу о рецепции событий Великой французской революции (В. В. Капнист и его ближайшее окружение) // Русская литература. 1989. № 3. С. 49–56.

Латно-Данилевский К. Ю. К истории дружеской полемики вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» // XVIII век. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26. С. 203–220.

Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века. (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб.: Наука, 2004. Сб. 23. С. 3–19.

Николаев С. И. Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом // XVIII век. СПб.: Наука, 2017. Сб. 29. С. 5–20.

References

Babkin D. S. V. V. Kapnist. Kritiko-biograficheskiy ocherk [V. V. Kapnist. A critical and biographical essay]. In: Kapnist V. V. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: in 2 vols. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1960, vol. 1, pp. 12–65. (In Russ.)

Berkov P. N. V. V. Kapnist kak yavlenie russkoy kul'tury XVIII veka [V. V. Kapnist as a phenomenon of the 18th-century Russian culture]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959, issue 4, pp. 257–268. (In Russ.)

Blagoy D. D. Vasiliiy Kapnist. In: Kapnist V. V. *Sochineniya* [Kapnist V. V. Works]. Moscow, State Publishing House of Fiction Publ., 1959, pp. 3–35. (In Russ.)

Veselova A. Yu. Usadbnaya zhizn' v stikhakh poetov l'vovsko-derzhavinskogo kruzha [Manor life in the poems by poets of Nikolay Lvov and Gavril Derzhavin's society]. *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, issue 24, pp. 206–218. (In Russ.)

Grot Ya. K. *Zhizn' Derzhavina*. [Gavril Derzhavin's Life]. Moscow, Algoritm Publ., 1997. 688 p. (In Russ.)

Demin A. O. Kapnist Vasiliiy Vasil'evich. *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskiy slovar'. XVIII–XIX vv.* [Russian Folklorists: A Biobibliographical Dictionary. The 18th–19th Centuries]: in 5 vols. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2017, vol. 2, pp. 500–503. (In Russ.)

Demin A. O. O datirovke trekh goratsianskikh od V. V. Kapnista [On dating of three Horatian odes by V. V. Kapnist]. *G. R. Derzhavin i ego vremya: Sbornik nauchnykh statey* [Gavril Derzhavin and His Time: A Collection of Scientific Articles]. St. Petersburg, 'VIRD' Publ., 2009, issue 5, pp. 20–28. (In Russ.)

Domanskiy V. A. Usadbnyy tekst G. R. Derzhavina i poetov ego kruga [The country estate text of G. R. Derzhavin and the poets of his circle]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2015, issue 2, pp. 79–84. (In Russ.)

Ivanov Yu. D. Primechaniya [Notes]. In: Kapnist V. V. *Sochineniya* [Works]. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1959, pp. 413–448. (In Russ.)

Kapnist V. V. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1973. 623 p. (In Russ.)

Kapnist V. V. *Opyt perevoda i podrazhaniya Goratsievkh od* [The Experience of Translation and Imitation of the Horatian Odes]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 436 p. (In Russ.)

Klein J. *Pri Ekaterine. Trudy po russkoy literature XVIII veka* [In the Times of Catherine the Great. Works on Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, LRC Publishing House, 2021. 464 p. (In Russ.)

Koplan B. I. V. V. Kapnist. In: Kapnist V. V. *Izbrannye sochineniya* [Collected Works]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1941, pp. V–XV. (In Russ.)

Lappo-Danilevsky K. Yu. K voprosu o retseptsii sobytii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii (V. V. Kapnist i ego blizhayshee okruzhenie) [On the reception of the events of the Great French Revolution (V. V. Kapnist and his immediate circle)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1989, issue 3, pp. 49–56. (In Russ.)

Lappo-Danilevsky K. Yu. K istorii druzheskoy polemiki vokrug ody Derzhavina 'Izobrazhenie Felitsy' [On the history of a friendly debate about Gavril Derzhavin's ode 'The Image of Felitsa']. *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, issue 26, pp. 203–220. (In Russ.)

Nikolaev S. I. Original'nost', podrazhanie i plagiat v predstavleniyakh russkikh pisateley XVIII veka. (Ocherk problematiki) [Originality, imitation, and plagiarism in the perception of Russian writers of the 18th century. (Overview of the problems)]. *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, issue 23, pp. 3–19. (In Russ.)

Nikolaev S. I. Russkie pisateli XVIII veka o motivatsii svoikh zanyatiy literaturnym trudom [Russian writers of the 18th century about their motivation for doing literary work]. *XVIII vek* [The 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, issue 29, pp. 5–20. (In Russ.)

A Literary Debate around Gavrila Derzhavin's Ode 'The Depiction of Felitsa' as Reflected in Vasily Kapnist's Horatian Interpretations

Alexander Yu. Antonov

Master's Student at the Department of History of Russian Literature

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. alexander.a11@yandex.ru

SPIN-code: 1457-7512

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0706-0180>

Submitted 10 Jun 2023

Revised 11 Jul 2023

Accepted 10 Aug 2023

For citation

Antonov A. Yu. Otrazhenie polemiki vokrug ody G. R. Derzhavina «Izobrazhenie Felitsy» v goratsianskikh pere-lozheniyakh V. V. Kapnista [A Literary Debate around Gavrila Derzhavin's Ode 'The Depiction of Felitsa' as Reflected in Vasily Kapnist's Horatian Interpretations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 88–96. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-88-96 (In Russ.)

Abstract. The article discusses how a literary debate around Gavrila Derzhavin's ode *The Depiction of Felitsa* is reflected in Vasily Kapnist's Horatian interpretations. In this debate, Kapnist puts emphasis on important aspects of his poetical philosophy, which was to a large extent shared by Derzhavin, who departed from these views on sincerity, permissible limits of flattery in poetry, etc. in the ode *The Depiction of Felitsa*, this having provoked the literary debate. The paper shows that repercussions of this debate are also found in the later works of Kapnist – in his three Horatian interpretations dedicated to Derzhavin, namely *Lomonosov* (1790/91), *To the Muse* (1797), and *Against Gold-Greed* (1811–1814). In these works, Kapnist develops the same topics that we can see in the first of his odes related to the debate (*A Raphael's Answer to the Felitsa's Poet*). The paper analyzes the evolution of Kapnist's views on the essence of the debate: it is shown how various are his attitudes to this issue in different periods of his life. The ode *Lomonosov*, which uses the Horatian pretext only as a source from which it takes its compositional scheme, appears to be a 'softened' version of *A Raphael's Answer to the Felitsa's Poet*, devoid of some 'satirical' subtext. *Lomonosov* represents a kind of example to follow that shows Derzhavin how to write odes sincerely and selflessly. In the ode *Against Gold-Greed*, Kapnist repeats the model of *A Raphael's Answer to the Felitsa's Poet*: he starts from correcting exclusively poetic 'flaws' of the Derzhavin's ode, seeking a more accurate translation of some passages of the Horace's ode in his own interpretation, and then he again turns to the theme of excessive flattery of the Derzhavin's ode.

Key words: Vasily Kapnist; poetry of the 18th century; poetry of the 19th century; literary debate around Gavrila Derzhavin's ode 'The Depiction of Felitsa'; ode.